

что они могут дать. Мы имеем теперь, впервые в нашей научной литературе, правильный анализ общественного строя Эпира и Македонии накануне общего кризиса Римской империи.

Одно замечание по поводу использования источников. Для характеристики экономики Южной Македонии и Фессалии О. В. Кудрявцев ссылается на Апулея (стр. 319; стр. 79, прим. 1; стр. 108, прим. 2). Хотя эти ссылки он сопровождает оговоркой, что «не следует, разумеется, воспринимать рассказ Апулея как фотографическое воспроизведение фессалийской действительности» (стр. 319), однако считает возможным использовать материал Апулея для общей характеристики экономической жизни Фессалии и Македонии. Апулей, конечно, знал условия греческой жизни, в частности условия Македонии и Фессалии, но знал их как путешественник. Несомненно, что, описывая в своем романе Фессалию, он в действительности имел перед глазами прекрасно ему знакомую Северную Африку.

Монография О. В. Кудрявцева представляет серьезную научную работу, характеризующую ее автора как зрелого ученого, обладавшего огромными знаниями и в совершенстве владевшего методологией и методикой исторического исследования. Нет никакого сомнения в том, что О. В. Кудрявцев мог бы явиться автором еще ряда выдающихся работ по истории античного мира. Преждевременная смерть О. В. является тяжелым ударом для советской науки.

Проф. С. И. Ковалев

* * *

Книга безвременно ушедшего от нас Олега Всеволодовича Кудрявцева состоит из трех частей и заключения. В первой части автор рассматривает общие закономерности развития Римской империи, останавливаясь при этом на своеобразии положения эллинических провинций Балканского полуострова, к числу которых он относит Ахайю, Эпир и Македонию. Основная часть работы (стр. 51—286) посвящена детальному рассмотрению экономики, политического строя, внешнего положения и идеологической жизни Ахайи; отдельно исследуется римская политика по отношению к Ахайе, а также судьбы Афин, Коринфа и некоторых других городов. В последней части столь же всесторонне, хотя и более кратко рассматривается положение Македонии и Эппра. Работа, основанная на изучении разнообразных источников, посвящена актуальной и недостаточно изученной проблеме и несомненно будет содействовать развитию наших представлений об истории поздней античности.

Несомненно, без изучения истории провинций нельзя воссоздать картину жизни Римской империи. Однако эта тема, как всякое локальное исследование, представляет большие трудности: перед исследователем стоит опасность увлечься интересными деталями и выпустить из поля зрения главное — основные контуры процесса, лишь частью которого являлись судьбы данной местности. Однако О. В. Кудрявцев избежал этой опасности: в рецензируемой работе локальная история рассматривается в определенной связи с основными процессами истории империи.

Книга содержит интересный фактический материал и важные выводы. В частности, мне представляется чрезвычайно существенным суждение О. В. Кудрявцева, что кризис полиса не есть кризис рабовладельческой системы хозяйства, что, наоборот, кризис полиса есть необходимое условие для прогрессивного развития рабовладельческого способа производства (стр. 11): рабовладельческое производство только тогда достигает полного расцвета, когда разрушает полисные ограничения. Автор, несомненно, прав, когда подчеркивает, что во II в. н. э. «античная форма собственности сохранилась в городах Эллады только формально» (стр. 81). Правильно намечены автором различия общественного и политического строя рабовладельческих полисов Востока и Запада (стр. 20, 102), убедительно его суждение, что «колонат не может быть выведен непосредственно из рабства» (стр. 94). Правильно объясняет О. В. Кудрявцев и причины того, что римское завоевание не могло уничтожить полис, «основную социаль-

но-политическую единицу эллинистического мира» (стр. 119 сл.). Следует отметить также четкую характеристику автором классовой борьбы (стр. 170 сл., 220 сл.), анализ политического строя Ахайи (стр. 118 сл.), исследование архаистических тенденций эллинской культуры II в. (стр. 279 сл.) и многое другое. Метод исследования О. В. Кудрявцева: тщательный, скрупулезный анализ терминов, сопоставление разнородных источников, пересмотр традиционной датировки отдельных фактов — дает ему возможность на основании исследования скудных известий источников строить широкие и интересные выводы. В этом отношении особенно показательна глава, посвященная исследованию известий о вторжении костобоков (стр. 245 сл.). Детально анализируя Элевсинскую речь Элия Аристиды и эпиграфические данные, автор убедительно датирует нашествие костобоков 170 годом (стр. 257); затем он тщательно изучает известия о месте обитания костобоков, их этнической принадлежности и общественном строе; несомненно, заслуживает внимания осторожно высказанная О. В. Кудрявцевым гипотеза о том, что костобоки принадлежали к числу племен, являвшихся носителями культуры «полей погребений» (стр. 263). Наконец, автор рассматривает ход вторжения костобоков и его последствия. Он, бесспорно, прав, видя в нашествии костобоков предвестника грандиозных вторжений III века (стр. 271).

Общественные отношения II века О. В. Кудрявцев рассматривает в развитии, постоянно сопоставляя их с предшествующим и — реже — с последующим историческим этапом.

Вместе с тем отдельные положения книги представляются недостаточно ясными, а иногда — сомнительными и спорными.

Прежде всего несколько замечаний относительно источников. О. В. Кудрявцев, всесторонне исследовав эпиграфический материал, уделил, как мне кажется, недостаточное внимание источникам другого типа. Это относится, в первую очередь, к археологическим памятникам. Автор знает о раскопках в Афинах, Спарте, Коринфе, Дельфах и Олимпии (стр. 53 сл.), спорадически ссылается на археологический материал (стр. 107)¹, однако не дает его систематического обследования, тогда как при решении вопроса о запустении городов Эллады в эпоху империи привлечение археологического материала имеет важнейшее значение. В частности, следовало обратить внимание на интенсивность чеканки монеты в разные исторические эпохи. Так, за 35 лет раскопок в Коринфе было обнаружено 309 коринфских монет, относящихся к периоду независимости города (550—146 гг. до н. э.), и 443 коринфские монеты периода римского владычества (146 г. до н. э. — 212 г. н. э.); сюда следует еще прибавить находку 94 римских монет этого же времени².

О. В. Кудрявцев признает возможность использования «Метаморфоз» Апулея для характеристики Фессалии и некоторых областей Ахайи (стр. 57)³, однако оставляет в стороне интереснейший материал этого памятника, касающийся рабского труда, земельной аренды, антагонизма мелких и крупных собственников, религиозных чаяний и т. п. Не меньше данных можно было почерпнуть и из сочинений Лукиана, которые используются в рецензируемой работе крайне редко и не всегда достаточно убедительно. Известно, например, что Лукиан о ростовщичестве говорит постоянно (в «Тимоне», «Переизраве», «Петухе» и др.). О. В. Кудрявцев ссылается только на «Корабль». На стр. 303, ссылаясь на «Икароменипп», 24, он доказывает, что в «период империи оракул Додоны утратил прежнюю славу». Думаю, что эта ссылка на Лукиана является неправомерной: «Икароменипп» принадлежит к числу тех менипповых диалогов, в которых политические намеки на «современность» не выходят за пределы начала III в. до н. э. В частности, в том же 24-м параграфе «Икаромениппа» говорится, что афинский храм Зевса Олимпийца еще не достроен — на самом же деле во времена

¹ Впрочем, этот материал уже был использован А. Б. Р а н о в и ч е м. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949, стр. 231, прим. 1.

² К. М. E d w a r d s, Corinth, VI, 1933.

³ На стр. 108 автор, однако, высказывает сомнение в возможности привлекать этот памятник ввиду влияния на Апулея его «африканского окружения» (прим. 3).

Лукиана он был уже завершён. Кроме того, слова «Икаромениппа» об оракуле в Додоне вряд ли могут служить основанием для такого вывода, ибо Лукиан ставит Додону на один уровень с Олимпией. А что Олимпия играла крупную роль, не отрицает и О. В. Кудрявцев (стр. 206 сл.).

Недостаточно полно привлечены и некоторые другие авторы. О. В. Кудрявцев не использует слов Элия Аристиды о подъёме Коринфа, рассказа Страбона об экономической активности Патр, известия Плутарха, свидетельствующие, что Коринф, Патры и Афины были крупными торгово-денежными центрами¹.

Совершенно не использованы в книге памятники раннехристианской литературы, в том числе и такие, которые имеют непосредственное отношение к Ахайе. Например, в Первом послании Климента, адресованном коринфянам, содержится интересная, хотя и довольно риторическая, картина социальных противоречий в христианской общине Коринфа, что, несомненно, отражало социальные противоречия в самом городе.

Разумеется, трудно ожидать, что использование этих литературных памятников может привести к каким-то принципиально новым выводам, однако при крайней скудности источников ими не следовало пренебрегать. Вызывает сомнения вопрос о феодальных элементах. Автор несколько раз подчеркивает, что «элементы феодального строя в недрах рабовладельческого общества Средиземноморья» появляются чуть ли не в I в. до н. э. (стр. 17—18), что в условиях ранней империи формируются элементы феодальных отношений (стр. 20), что «экстерриториальное поместье было эмбриональной формой феодальной собственности» (стр. 26). Вопрос о вызревании феодальных отношений в недрах рабовладельческой системы до сих пор еще недостаточно ясен, и вряд ли стоило так решительно выдвигать это положение в данной работе, где оно не только не подкреплено фактическим материалом, но и прямо ему противоречит: О. В. Кудрявцев не видит в Ахайе элементов феодальных отношений (стр. 26, 33, 67, 101). Таким образом, постулируя (но не доказывая) тезис о том, что все Средиземноморье шло по пути формирования элементов феодальных отношений, видя, с другой стороны, что в Ахайе элементов феодальных отношений нет, автор вполне последовательно приходит к выводу, что в Элладу рабовладельческий способ производства «гнил на корню» (стр. 68, 347). Однако в этой цепи рассуждений выпадает важное звено — доказательство созревания элементов феодализма в Средиземноморье II века н. э.²

Самый факт кризиса в Элладу II века н. э. доказан, на мой взгляд, недостаточно строго. Центральным моментом доказательства кризиса рабовладельческого строя в Элладу — это наличие дельфийских манумиссий (стр. 17, 66)³. Но ведь отпуск на волю рождается одновременно с рабством и сам по себе факт вольноотпущенничества ничего не говорит о кризисе рабовладельческой системы. О. В. Кудрявцев прекрасно знает, что отпуск на волю имел место и во фракийских землях (стр. 304, прим. 2), где вряд ли можно говорить о кризисе рабовладельческой системы.

При этом статистическая обработка дельфийских манумиссий приводит к данным, которые плохо вяжутся с представлением о нарастании кризиса рабовладельческой системы производства в Элладу: в I—II вв. н. э. относительно уменьшается число рожденных в доме рабов и относительно увеличивается количество купленных⁴. К со-

¹ См., например, J. A. O. Larsen, ESAR IV, 471 сл.

² Нельзя сбрасывать со счета особенности периода III—V вв., отмеченные недавно С. И. Ковалевым (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42 сл.): отсутствие класса-гегемона и наличие длительного периода после падения Римской империи, когда формировались феодальные отношения. Поэтому более правильно принять вместе с С. И. Ковалевым, что в недрах рабовладельческого общества зарождаются лишь предпосылки феодального способа производства. Отмечу, что и О. В. Кудрявцев иногда говорит о предпосылках феодального строя. Но он не отличает их от элементов феодализма.

³ В других местах (стр. 103—104) О. В. Кудрявцев ссылается, но уже в иной связи, на манумиссии из других мест.

⁴ В. Вестерман, Рабство в Римской империи, в кн. А. Валлон, История рабства в античном мире, ОГИЗ, 1941, стр. 590.

жалению, О. В. Кудрявцев не объясняет этого факта. Однако в свете этих данных трудно принять вывод относительно «уменьшения численности рабов» (стр. 105). Напомним, что А. Б. Ранович считал, что вывод относительно уменьшения роли рабов в хозяйстве можно сделать только априорно¹.

О. В. Кудрявцев говорит также о глубоком кризисе земельных отношений (стр. 93). Однако при современном состоянии источников вряд ли на этом можно настаивать так решительно. Для суждения об этом, помимо довольно риторических заявлений Страбона, Плутарха и Диона Хрисостома, может быть привлечена надпись IG, II—III² 2776, содержащая список 89 земельных владений². Надпись эта недостаточно ясна, но, как бы то ни было, она позволяет ставить вопрос об имущественной дифференциации в Аттике. Самый крупный земельный собственник Флавий Метро (...) обладает 12 участками общей стоимостью в 15 750 условных единиц (на стр. 85 ошибочно указано 15 700); самый маленький участок оценен в 208 единиц. При этом только шесть владений в 10 и более раз превосходят самый маленький участок. Вряд ли все это может быть истолковано как признак глубокого кризиса.

При этом для решения вопроса о судьбах мелкой земельной собственности следовало бы привлечь также «Метаморфозы» Апулея, где постоянно упоминаются огородники, садовники, мельники и пр.

Очень интересны факты, которые отмечает О. В. Кудрявцев, говоря о широкой политической эвергесии (стр. 114), об отсутствии стремления уклониться от магистратур (стр. 135), — но все эти факты плохо вяжутся с представлением о кризисе земельных отношений.

Вот почему мне кажется, что недостаточно аргументирован и вытекающий из этих рассуждений тезис автора: «подлинная история древней Эллады завершается III веком н. э.» (стр. 352). Археологический материал свидетельствует, что и в IV—VI вв. Эллада, точнее говоря — эллинические провинции Балкан, оставалась городской страной, росли и отстраивались не только такие города, как Коринф и Афины, но и второстепенные центры: Стобы, Новый Анхиал, Филиппы и др. Обилие монетных находок свидетельствует, что товарное производство было здесь развитым по меньшей мере до конца VI в. Как показал А. А. Васильев, еще в VII в. на Афины смотрели как на культурный центр.

Позволю себе высказать также некоторые замечания, касающиеся истории идеологической жизни Эллады. Крайне бегло на стр. 285 затрагивает О. В. Кудрявцев такой вопрос, как распространение христианства: он ограничивается только упоминанием апологетов Аристида и Атенасора, живших в Афинах. Вряд ли есть необходимость отвергать традиционную дату самосожжения Перегрина, приводимую Евсевием (165 г.), и отнести его смерть к 167 г. (стр. 285). Противоречиво дается характеристика кинизма: с одной стороны, кинизм рассматривается как философская система, «пользующаяся особым влиянием среди низших слоев городского населения» (стр. 277), как оппозиционная идеология, — и в то же время идеолог рабовладельцев, призывающий к насильственному выселению бедноты из городов, Дион, оказывається носителем «кинических идеалов» (стр. 99). Повидимому, следовало выделить различные направления, объединявшиеся под флагом кинизма.

В работе имеются повторения, некоторые мелкие погрешности редакционного и структурного порядка.

Встречаются неточные формулировки. Если на стр. 29 Эпир и Македония «целиком» отнесены к эллинистическим провинциям, то на стр. 33 сл. они характеризуются как провинции «переходного типа». Бегство афинских рабов к Декелию вряд ли могло содействовать разорению аттического крестьянства (стр. 37) — бежали рабы-ремесленники. Допущение, что Лемнос, Имброс и Пепарет освободились от афинского господства в связи с восстанием в Афинах в правление Августа (стр. 172), не кажется убедительным: ведь восстание, по Евсевию, произошло в последний год Августа (по

¹ А. Б. Ранович, ук. соч., стр. 234.

² Там же, стр. 231—233; О. В. Кудрявцев, реценз. соч., стр. 81 слл.

Сиякеллу — в 13 г. н. э.); вряд ли можно думать, что на Лемносе и на других островах после этого, но еще до смерти Августа, была организована чеканка монеты.

Все эти пожелания, сомнения и незначительные замечания не снимают высокой оценки рецензируемой книги. Всякий, кто в дальнейшем станет работать над историей Эллады в эпоху империи, кто будет исследовать общие закономерности развития Римской империи, обязательно должен изучить исследование О. В. Кудрявцева.

А. Каздан

В. Д. БЛАВАТСКИЙ, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, «Причерноморье в античную эпоху» (под редакцией проф. В. Н. Дьякова), VII, М., Изд-во АН СССР, 1954, 161 стр., цена 7 руб.

Рецензируемая работа посвящена истории военного дела античных государств Северного Понта. Проблема эта изучена советской исторической наукой еще совершенно недостаточно. Ей было уделено внимание в нескольких небольших статьях, принадлежащих перу В. Д. Блаватского; общие работы и монографии об отдельных государствах Северного Понта затрагивают данную проблему довольно бегло и бессистемно. Интересы ученых к тому же сосредоточиваются почти исключительно на вооружении и фортификационных сооружениях¹, что не дает возможности получить сколько-нибудь полное представление о военном искусстве античных государств Северного Причерноморья. Между тем изучение истории военного искусства народов и государств, находившихся в древности на территории нашей родины, является одной из важных задач советских историков. Поэтому появление в печати первой сводной работы о военном деле античных государств Северного Понта представляет несомненно большой научный интерес. Преподаватели вузов и школ найдут здесь ценный материал для уроков и лекций, богатую библиографию по вопросам военного искусства древнего мира.

В настоящей работе В. Д. Блаватский ставит перед собой задачи — дать краткий очерк истории военного дела Боспора, Херсонеса и Ольвии, вскрыть основные линии развития и своеобразие военного искусства этих причерноморских государств. Автор подвергает анализу вопросы организации вооружения, стратегии и тактики государств Северного Понта. Он тщательно исследует процесс взаимовлияния военного искусства местных племен и народов Средиземноморья вообще.

Этим последним фактором и объясняется то обстоятельство, что содержание книги значительно шире ее названия: примерно половина работы посвящена военному делу сарматов, греков и римлян.

Естественно, что в главах работы, освещающих греко-римское военное искусство, автор не мог ставить себе специальные исследовательские цели. Тем не менее они написаны на основе источников и обширной литературы. В. Д. Блаватский с большим знанием дела излагает здесь основные положения о развитии военного искусства у греков и римлян, уделяя серьезное внимание военной деятельности римлян в Причерноморье в I — III вв. н. э. Несомненный самостоятельный интерес представляют приводимые им сведения о дислокации римских войск в Северном Понте и фортификационных работах римлян на Ай-Тодорском холме (стр. 133 сл.). Главы монографии, посвященные греческому и римскому военному искусству, не могут вызвать каких-либо серьезных возражений, но нам кажется целесообразным сделать некоторые замечания по вопросам частного порядка. Так, в разделе, посвященном развитию военной тактики гре-

¹ См. напр., соответствующие разделы в книге Г. Д. Белова, Херсонес Таврический, Л., 1948.